

К 75—ЛЕТИЮ С. А. КОЧАРЯНА

САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

«В другую эпоху и в других условиях я, вероятно, стал бы ярким, фанатичным проповедником. Что это? Откуда этот сжигающий меня огонь?..»

Эти несколько строк из записной книжки Сурена Акимовича Кочаряна, народного артиста РСФСР и Армянской ССР чрезвычайно важны для понимания его искусства. Пятого сентября нынешнего года артисту исполнилось 75 лет. А он и сегодня думает о том, что, не именуясь проповедником, должен оставаться им в своей профессии артиста-чтеца. Запись в памятной книжке оканчивается так: «Но где, у кого найти такие произведения, чтобы можно было «глаголом жечь сердца людей»?.. Когда же их, этих произведений нет, я никну, кисну и значу меньше, чем самый средний чтец, так как просто молчу».

Это написано человеком, артистом, сделавшим в течение большой творческой жизни тридцать пять крупных, масштабных литературных программ!

...Отца убили бандиты, когда Сурену было четыре года, и мальчик остался единственным мужчиной в семье (братьев у него не было, только сестры). Мать и бабушка хотели, чтобы единственный сын и внук стал адвокатом, врачом, на худой конец — учителем. Сурен не хотел такого будущего. Тучи на семейном небосклоне начали сгущаться. Но домашняя драма разыгрывалась напрасно. Просто никто не предполагал, что все сложится в полном соответствии с родительской волей. Станет Сурен Кочарян и адвокатом, и врачом, и учителем. Только защитительные речи, лечебные прописи и советы учителя он будет сочинять не сам, а возьмет их у великих писателей. Он возьмет их у Гомера, Боккаччо, Толстого, Лескова и, конечно, прежде всего у гениев своего народа — у Абовяна, Туманяна, в армянской поэзии и сказках.

Ученый, театровед, член-корреспондент Академии наук Армении Р. В. Зарян недавно обратился к Кочаряну с десятью вопросами творческого и лично биографического характера и попросил ответить на них поподробнее. Особенно необычным оказался вопрос второй: «Каким был самый счастливый день в вашей жизни?»

Отвечая на вопросы, Сурен Акимович вспоминал свою жизнь, множество счастливых, радостных и печальных дней. И подумал, что счастье — не в ужедостигнутом, не в пережитом, а в стремлении к цели, которая тем дальше от тебя отходит, чем больше приближаешься к ней. А остановиться невозможно. Остановиться — значит, умереть.

Наверное, он был счастлив в ноябре 1944 года, когда на сцене ереванской филармонии только что закончилась премьера его значительной работы «Раны Армении», сделанной по роману Хачатура Абовяна. Это он, артист Кочарян, вернул великое произведение армянской литературы из небытия, вернул его людям. Роман написан в первой половине прошлого столетия на тогдашнем разговорном диалекте, в наше время понятном одним лишь ученым-филологам. В то же время «Раны Армении» — полотно, написанное кровью, созданное художником с обнаженным сердцем. Книга посвящена страданиям армянского народа под игом иноземцев и изгнанию, которое дала гордому и талантливому народу Россия. Кочарян трудился полтора года, проделал огромную переводческую и литературоведческую работу и без этого опыта вряд ли одолел бы позднее такую вершину, как гомеровская «Одиссея»... Люди на премьере вскакивали с мест, устраивали овации в середине исполнения, что-то кричали, плакали.

А разве не был он счастлив через полгода, когда вернулся в свою фронтовую бригаду? В только что поверженном Берлине стоял он на грузовике с опущенными бортами и читал тысячам усталых бойцов новеллу из «Декамерона», сказку из «Шах-разады», читал, дожидаясь волны ответной реакции — взрыва громового хохота или мгновений напряженной тишины: и все это происходило совсем не так, как бывало в концертных залах.

Трудно найти и обозначить свой самый счастливый день. У художника их бывает немало. Иногда они могут выдаться и за пределы Родины. Был такой день и у Кочаряна, когда он, приехав в Грецию в качестве вице-президента Общества «СССР — Греция», читал в конференц-зале Академии наук свою «Одиссею», и афиняне слушали его!..

Мне не довелось услышать его этапную работу «Раны Армении», да и исполнялась она лишь на армянском языке, которого я не знаю. Но из тех работ, что не раз я слышал, особенно значительной, масштабной и поэтичной кажется мне композиция по армянскому эпосу «Давид Сасунский».

Сегодня трудно себе представить, чтобы молодой человек, придя в библиотеку, попросил дать ему почитать «Давида Сасунского». Тем важнее пропагандистский, артистический, патриотический подвиг артиста, вынесшего шедевр народного творчества на концертную эстраду. Сотни раз исполнялся «Давид Сасунский», и столько же раз слушатели потрясались красотой и силой народного героя Давида, его благородством и честностью, его смелостью и фантастической силой. Кочарян и в этой работе становится то адвокатом — объясняет проступки Давида его величайшей человечностью, то врачом — наносит слушателям невольные душевные раны, но сам же лечит их мудрым и добрым словом, то учителем — возвышенной поэзией своей работы он учит добру, обостренному чувству справедливости, мужеству.

Сурен Кочарян стал в нашем искусстве явлением, может быть, неповторимым. Я думаю об этом теперь, когда мы отмечаем славную дату артиста.

ЮРИЙ АЛЯНСКИЙ

